

Погожим сентябрьским вечером Борис Францевич Бауман – активный деятель культурной автономии российских немцев Калининграда – заблаговременно выехал в аэропорт встречать давнего друга по Ленинградскому политеху. Карла Гофмана он не видел с конца

незабвенных 90-х. К старосте курса, летевшему на Балтику из Алма-Аты, у Бориса Францевича имелось важное дело. С недавних пор он задался целью женить непутевого сына.

Семья Гофманов засиделась вдали от исторической родины. Несколько миграционных волн омыли немецкую брусчатку Калининграда и растворились в плодородных землях фатерланда, а Карл Гофман продолжал безвылазно сидеть в шахтерской Караганде. И только Виктор, его младший брат, пустивший прочные корни в Нижней Саксонии, усилием воли вытащил из гиблого места инертного родственника, разбитого к шестидесяти годам ревматизмом.

«Как знать, – размышлял Борис Францевич, прогуливаясь с цветами в зале прибытия, – возможно, и Карл со временем уедет в Германию. И молодых с собой забрет. Здесь ему делать нечего. У нас ревматика не вылетчат, скорее залечат».

Эльза оказалась неприметной маленькой девушкой, застенчивой и немногословной. В фойе аэропорта испуганно озиралась по сторонам, разглядывая сувенирные киоски и пестрые вывески. На парковке изучала рекламные щиты. Будь Борис Францевич моложе лет на тридцать, на такую он бы внимания не обратил: обычное бледное лицо, испещренное розовыми угрями, глаза грустные, взгляд внимательный, но какой-то потерянный, крупный рот, сутулая, волосы небрежно стянуты в пучок на затылке. Одета неряшливо.

«Ничего, – успокоился Борис Францевич, – отдохнет с дороги, поедет на море. Кожа оживет, подтянется. Шутка ли, всю жизнь провести в промышленном районе. Хорошо, отец выжил. И мать жива, но явно больна чем-то. Нет, Виктор точно перетянет их в Ганновер».

Эрик с волнением ожидал появления Эльзы. Полагал, на первых порах переселенцам понадобится гид и надежный друг семьи. На этом можно будет сыграть. С девушками он никогда тесно не общался, вообще не очень понимал, как это делается.

Накануне прилета Гофманов Эрик впал в щемящее душу нервное возбуждение. Он засыпал, представляя в горячих объятиях загадочную красавицу. Все в ее пока что бесплотном облике нравилось Эрику, нравилось потому, что он сам на свой лад и риск материализовал тайное чудо природы в бурном калейдоскопическом воображении. Эрик готов был даже тысячу раз ошибиться, признать ночные полеты фантазии опрометчивым вздором, лишь бы зацепиться за реальную возможность приблизиться к женскому существу в любом его проявлении, преодолеть барьер собственной трусости или задержки развития – этого он пока понять не мог.

Эрик много еще не знал, но все чаще задумывался и пока не находил ответа, маясь в неведении, что же так сильно потянуло его к долгожданной переселенке: закономерный интерес к неизведанному или рвущаяся наружу, давно созревшая тяга к женскому полу?

Высокие, упитанные сокурсницы Эрика не привлекали. Не было в них женского шарма и очарования. Эрик скрытно косился на факультетских девиц в коридорах и упирался в безразличные взгляды знакомых студенток. Некоторых он узнавал издали по походке, осанке, объемам, сочетанию плавных и расплывающихся линий и черт, обилию косметики на восковых лицах.

На третьем курсе Бауман закрепился в крепких хорошистах. Учился вдумчиво, исправно посещал лекции, выступал на семинарах, но интереса к наукам не проявлял. Преподаватели юрфака, с которыми Эрик лишней раз не спорил и предпочитал не ссориться, констатировали,

что он чересчур тих и скромн, а будущему правовеу не подобает мямлить, отвечая на вопрос об актуальности древнеримской юриспруденции для современной правовой системы.

Поверхностным увлечением Эрика было коллекционирование открыток с видами довоенного Кенигсберга. Внимая совету отца помимо учебы заняться чем-нибудь путным, он долго изобретал непыльное хобби, но так ничего и не придумал, пока однажды не спустился в антикварный подвальчик вместе с Гальпериным – однокурсником и нумизматом. В тесном кирпичном помещении, которое его близорукий гид посещал каждую неделю, Эрика поразили седовласые бородатые старцы, толпившиеся у прилавков. Сквозь лупы они рассматривали марки в потрепанных альбомах, доставали из клястеров монеты и вертели над головой, ловя едкие потоки галогенного света из-под сводчатых потолков. Некоторые из коллекционеров сидели за круглыми столиками, пили крепкий кофе, дымили в пол и интеллигентно торговались. Обстановка в туманном цоколе была музейно-коммерческой. Наибольшее впечатление на Эрика произвел потертый, в паутине заломов и ветвистых царапинах гестаповский плащ. Он угрожающе висел на покосившемся манекене и казался безразмерным.

Гальперин подвел Эрика к прилавку с открытками. Тема старого города, прекрасно знакомая Борису Францевичу, воодушевила аморфного студента на личностный подвиг, и он сделал первое приобретение. Две открытки с видами Монетной площади и Южного вокзала, адресованные неким Фрицем Рихтером родителям в Мюнстер, Эрик купил по дешевке у Гальперина. Нумизмат и филокартист возрадовался:

– Запомни мои слова: сначала две открытки, потом пять – и поехало! Через полгода не остановишься. Этот

процесс затягивает и вдохновляет. Я начинал с одного экземпляра – обожженная рождественская карточка.

Однако пророчество Гальперина не сбылось. Эрик познакомил приятеля с отцом, увлеченным историей немецкого оружия, обошел лавки старьевщиков, покопался в вязкой землице интернет-ресурсов и притормозил покупки на двадцать третьей открытке. Собирательство, может, и было полезным занятием, но на фоне гендерного одиночества грозило умственным помешательством, к которому постепенно приближался Гальперин. Эрик сбавил темп и выцеживал по открытке в месяц, складывая фотографические слепки с архитектурных шедевров ганзейского города в семейный альбом. Гальперин же воевал с приятелем, желая вывести на следующий виток коллекционирования – нумизматику. Эрик не поддался.

Как-то Борис Францевич сказал сыну:

– Ты бы попробовал перевести хоть один текст с открытки. – Отец чувствовал: увлечение Эрика затухает. – Интересно, наверное, знать, что писали жители нашего города на большую родину. Да и поупражняться в немецком тебе не помешает. Впереди экзамен по языку.

После занятий Эрик погрузился в текст Фрица Рихтера, который, как выяснилось из его витиеватого, малопонятного почерка, учился в Кенигсбергской академии художеств и делился с сестрой и родителями скромными успехами в учебе, подчеркивая, что с особым рвением постигает анатомию человека, ибо в этом вопросе пока отстает от асов натуралистического рисунка.

На большее Эрика не хватило. Послания других кенигсбержцев, за исключением приветственной и заключительной частей, он переводить не стал. Даже по мягкому требованию отца копошиться в эпистолярном мире исчезнувших людей, их радостях и бедах Эрик не посмел. Его волновало другое – личная жизнь. К третьему курсу

дальше призрачных успехов в амурных делах он не продвинулся.

«Какой-то пассивный, потухший сынок у нас вымахал, – распекал про себя Эрика Борис Францевич. – Тепличный. Не из нашего времени».

Посоветовавшись с женой, предприимчивый отец решил свести Эрика с Эльзой. Он не сомневался, что близкие отношения с девушкой пойдут сыну на пользу.

«Во всяком случае, не навредят, – считал Борис Францевич. – Долгосрочные контакты с женщиной облагораживают мужчину».

О своем намерении познакомить детей Бауман проинформировал друга заблаговременно. Будучи человеком консервативным и замкнутым, Карл Гофман ответил на смелую инициативу сокурсника уклончиво:

– По-моему, они слишком разные. На пару не вытянут. Но ничего плохого в этом не вижу. Пусть повстречаются.

– А мне кажется, похожи, – тактично возразил Борис Францевич, понятия не имея, как выглядит Эльза, и доложил жене, что согласие карагандинцев получено.

Эрику он дал отмашку: за девушкой можно ухаживать. Посоветовал вывезти Эльзу на море, сводить в кино, обязательно показать город. Наказал сыну быть пунктуальным и инициативным. Дал деньги на одежду и обувь.

Эрик обладал такой внешностью, что любому парикмахеру пришлось бы изрядно поломать голову, прежде чем из невыразительного юнца изваять привлекательного молодого человека. А уж сам Эрик был не в состоянии стильно преобразить себя даже при помощи отцовских денег.

Сначала по совету Гальперина он ходил к Эльшану. Мастер долго возился с колкими, жесткими волосами не-

удобного клиента, но все же привел рассыпчатую копну к определенному порядку, после чего на голове Эрика воцарилась модельная прическа с торчащими, как у ежа, иголками и челкой, нависшей над высоким лбом крутым волнообразным завитком. Человеку, глянувшему на Эрика со стороны, вряд ли запомнились бы его обихожённые колючки, скорее, случайный наблюдатель отметил бы его крадущуюся походку на полусогнутых ногах, руки, спрятанные в безразмерных карманах, и пытливый, рыскающий взгляд, направленный в гущу женского пола.

Осенью Эрик ходил в драповом приталенном пальто, подчеркивающим его худобу. С неизменно поднятым воротником, замотанный до подбородка шарфом, он разрезал водяные потоки острыми носками разношенных кроссовок и подумывал о зимней одежде. Выгодный случай пополнить гардероб ему предоставился.

Пальто Эрик сменил на синтепоновую куртку с бахромчатым капюшоном. Купил две пары джинсов в обтяжку, обзавелся утепленными кроссовками на липучках. После кратких сомнений разорился на дорогие кожаные ботинки на мощном протекторе – абсолютный хит его зимней коллекции. После экскурсий по модным точкам Эрик походил на чистого нескладного хлопца, который потратился на недешевые вещи, надеясь, что шмотки с известными лейблами облагородят его с головы до ног.

Накануне визита к Гофманам Эрик перерыл безбрежные кладовые интернета, но фотографий Эльзы не обнаружил. В родительском архиве он нашел только студенческие черно-белые снимки отца и Карла Гофмана, сделанные на фоне Казанского собора и в Петропавловской крепости.

Тем не менее в предвкушении знакового события Эрик трепетал всем беспокойным отглаженным существом. Его подведут к ней, представят. Он проявит интерес к по-

ложительной девушке и не выразит разочарования, если Эльза ему не понравится.

В основу их знакомства заложен солидный фундамент, разглагольствовал Эрик: многолетняя дружба отцов, гостеприимство принимающей стороны, хороший отзыв родителя о сыне. Стоит учесть и намерение самой Эльзы завести верного друга в незнакомом городе.

«Эта встреча будет запоминающейся, весомее спонтанных столкновений на улицах с заносчивыми незнакомками», – рассуждал Эрик по пути к Гофманам, пока Борис Францевич с невозмутимым видом вел машину. Перед выездом он осмотрел одежду сына. Из покупок одобрил пуловер в выпуклую коричнево-бежевую полосу и эффектные ботинки. Комкастые, пожеванные на коленях джинсы повергли отца в ужас. Он снял с вешалки темно-синие брюки от выпускного костюма Эрика и отправил его за гладильной доской.

2

Если из наших фантазий на волю выпустить затаившегося живописца, его грандиозными полотнами можно затмить все шедевры мирового искусства. Эрик сам взрастил, выпестовал в неумном воображении возвышенный образ карагандинской девочки, и когда мастер женского портрета выпорхнул из взбудораженного студенческого сознания и из угла коридора хрущевки прошептал, что вопреки ожиданиям его свели отнюдь не с идеалом женской красоты, Эрик улыбнулся и сдержанно поздоровался с переселенцами. Все в незатейливом облике Эльзы было банальным и повседневным. Не тот овал лица, не те волосы (Эрику хотелось вьющихся, обязательно распущенных), не та стать (он мечтал о в меру гордой подруге, как бы парящей над землей изящной снежинкой), не те руки... Не тот взгляд... Почему она

оставилась исподлобья на молчаливого гостя, рассматривает его долго и надменно?

Эрик повесил пальто в шкаф, снял неразношенные ботинки и, сглотнув слюну, произнес свое имя.

– Вот, полюбуйте, студент-правовед! Ростом почти с отца, а мышечная масса отсутствует! – торжественно заявил Борис Францевич. – Учится на стипендию, отзывчивый. Помогает родителям. Одним словом, жених!

– А у нас – невеста, – сдуру ляпнул Гофман и весело уставился на дочь.

– Ты предсказатель со стажем, – слегка ущипнула отца Эльза. И, обратившись к Эрику, продолжила: – Десять лет назад папа напророчил нам переезд из промзоны в лоно цивилизации. – Она села на диван и рукой указала Эрику на кресло. – Благодаря Виктору Адамовичу это предсказание сбылось. Теперь мы здесь.

– Ну, чтобы выйти замуж, десяти лет тебе не понадобится. Не волнуйся! – рассмеялся Карл Гофман, явно подыгрывая университетскому другу.

Эльза пропустила мимо ушей голословное утверждение отца и вслед за матерью вышла на кухню.

На столе в зале гостей ждал торт, купленный в супермаркете у дома. В глубокой тарелке лежали фрукты. Посуда не блистала белизной и оригинальностью. Столовые приборы перебрались на клеенчатую скатерть из буфета хозяев квартиры, подавших на заработки в Сибирь. Чувствовалось, что Гофманы совсем недавно распаковали багаж и еще не обжились в двухкомнатном жилище.

Пока Борис Францевич и Карл курили на балконе, о чем-то живо дискутируя, Эрик, заточенный в комнате наедине с несбывшимися мечтами, листал мелованные страницы женского журнала, пялясь на пышногрудых, мясистых девиц. Пропущенные сквозь фильтры графических про-

грамм, они выглядели привлекательнее его томных полнеющих сокурсниц. Одной из фотомоделей, помещенных на развороте популярного ежемесячника, непременно пошло бы имя Эльза. Волевое, сочное, импульсивное. Есть в нем сила женской притягательности, ритмичный почерк грациозных телодвижений, властолюбие, расчет и отблеск холодной чувствительности. Так может, ему повезло, что этим именем обладала не лихая карагандинская принцесса, а робкая, игрушечная девушка? Как и его отец, Эрик не заметил бы Эльзу в толпе на автобусной остановке, не вычленил бы ее мини-фигурку в толпе студентов, хлынувших в буфет на большой перемене.

Поймав на себе настойчивый взгляд Эльзы, Эрик не шелохнулся в душе и не содрогнулся телом, как это однажды стряслось с ним в очереди за кофе и эклерами, когда его спину задела тугим большим бюстом пятикурсница с исторического факультета. Тогда его словно пронзило током. Повторный разряд прошелся по чреслам после того, как прожорливая девица вновь рассредоточила очередь в попытке дотянуться до подноса со сладостями и тиранулась сзади об Эрика студенистыми ягодицами, затянутыми до состояния риска в ветхие джинсы.

«С этой у меня есть шанс», – набрасывал Эрик оптимистические эскизы, стараясь сжиться с невзрачным подарком судьбы, вместе с матерью хлопотавшим на кухне. Но и за скромный презент без подарочной упаковки и глянцевых лент ему предстояло побороться.

Эрик был не дурак. В старшей школе, когда его одноклассники разобрались по парам, он, томящийся в застенках одиночества, пришел к выводу, что богиню ему не найти. Смазливим нужны рельефные удалые парни или денежные мешки – лысые и толстые, для которых женщина служит подвижной опцией в кожаном салоне за пределами дорогого автомобиля.

«Зацепить кавалера по желанию у нее не выйдет, как и мне не судьба приударить за длинноногой, – бросил на диван журнал Эрик. – Мы обречены на взаимный успех. Смиримся с тем, что имеем на сегодняшний день».

Теперь уже Эрик взялся разглядывать Эльзу. Он не стеснялся в открытую шарить по ее интимным местам. Как молодой бычок, не вкусивший пока прелестей противоположного пола, Эрик яростным взглядом прожег ярко-красную кофту Эльзы и под ажурной синтетикой различил крохотные округлые выпуклости. Он детально исследовал узкие бедра потенциальной пассии, впалый живот, извилистые ножки-палочки в клетчатых тапках с помпонами. Он добрался до ее рябоватого лица и несомненной изюминкой признал большие бесцветные губы. Кукольный, слегка вздернутый нос, которым Эльза периодически шмыгала, Эрик счел наиболее уязвимым и неправдоподобным во всей ее строгой внешности, а узковатый разрез карих глаз под выщипанными бровями не вызвал у него противоречивых эмоций.

«Над прической надо будет поработать», – заключил Эрик и, приглашенный к столу, отвлекся от насущных мыслей.

За обедом он в основном молчал, нажимал на густой жирноватый лагман и слушал разговоры отцов. Эльзу застольные беседы не трогали. Она суетливо орудовала приборами, утирала салфеткой заложенный нос и изредка перхала.

– На прошлой неделе приземлились в ваших краях, а эта уже гнусавит, – отвлекся от студенческих воспоминаний Карл Гофман. Он неодобрительно скосился на дочь.

– А то ты не знаешь, какой тут климат, – подула Эльза на пышную горячую самсу. – Вроде тепло, умеренно сыро, а ветер прошибает насквозь. Злой тут ветер какой-то.

– Зимой у вас морозы за тридцать, сайгаки в степи коченеют, – деликатно вмешался в диспут Борис Францевич и открыл бутылку кедровой.

– Зато сухо, активное солнце, высокое небо – не давит, – перечислял Гофман достоинства покинутой среды обитания. Втайне он ностальгировал по бескрайним казахским просторам. – На Балтике облака хмурые, водянистые. Того и гляди ливнем накроет. – В подтверждение его слов по жестяному отливу забарабанили капли дождя. – Ну да ладно. Выбор сделан. Привыкнем.

Карл Гофман поднял рюмку и подмигнул Борису Францевичу. Друзья выпили. Эрик довольствовался минеральной водой. Ему предстояло везти отца.

Инесса Самуэльевна пригубила кокосового ликера (подарок Бауманов) и дополнила мужа:

– Осенью у нас зеленеет травка и цветы распускаются.

– А степь полна миражей, – подбросил в беседу мистических символов разомлевший глава семейства.

– Не забудь рассказать про сухие дожди, – напомнила Эльза и разлила по пиалам – своей и Эрика – зеленый чай.

– О, уникальное явление! – Костистыми старческими пальцами Гофман крутанул рюмку. Борис Францевич удовлетворил запрос друга и поставил под стол пустую бутылку. – Такое бывает летом в пустынных районах. Гремит гром, дождь шелестит, а земля остается сухой. Вода испаряется в воздухе...

– А у нас – рефракция, – перебил рассказчика Эрик. – Помнишь, как мы потеряли из вида «Тигуан», когда вышли из леса? – Он иронично взглянул на отца. – Ты тогда еще ведра с лисичками бросил. Думал, угнали машину.

– И отправил тебя на поиски, – продолжил Борис Францевич, поглощая самсу. – А всего-то оптический обман случился, преломление световых потоков в атмосфере.

– Ну, это мы потом установили, – подытожил Эрик и случайно задел ногой тапок Эльзы.

Она не отреагировала на прикосновение гостя. Приглашенных Эльза будто бы не замечала. К концу обеда ее, как и Инессу Самуэльевну, встревожило количество спиртного, выпитого на радостях мужчинами. Дамы не пустили Эрика в магазин за сорокаградусной, хотя Карл Гофман, изрядно подкошенный кедровой, настойчиво требовал пополнить резервуары пузатого графина.

– Ну и как тебе девочка? – спросил сына Борис Францевич по дороге домой.

В отличие от сокурсника он выглядел достаточно бодрым. Таким он, впрочем, всегда выходил из хмельных застолий.

– Понравилась, – романтично сказал Эрик.

На небосводе его скучной студенческой жизни замаячило нежное, абсолютно реальное существо, выбравшееся на волю из хаотичных потливых грез. Оно поселилось с родителями в блочной девятиэтажке, очевидно, любило сладости и зеленый чай и ничего общего не имело со скульптурными юркими девами, обнимавшими Эрика во снах под одеялом. Оно жило рядом, дышало воздухом его города, укрывалось зонтом от балтийских дождей.

Эрик познакомился с Эльзой. Первый, самый трудный шаг был сделан – спасибо отцу.

– А Карл сдал, сильно сдал, – резюмировал Борис Францевич, рассказывая жене о посещении Гофманов. – Тюфяк, размазня. Окосел после третьей стопки. Поздновато семейку Карлуша сдернул с солончаков. Сухой дождь, миражи, – с ухмылкой повторял Бауман, – пирожки, цветочки по осени, ревматизм...

Борис Францевич выдержал паузу. Он не стал приставать к сыну с неуместным вопросом «когда?». Со своей стороны отец сделал все, чтобы расчистить дорогу отпрыску к сердцу застенчивой девушки. Но тащить Эрика за руку в объятия Эльзы он не собирался.

Через две недели после обеда у Гофманов Эрик купил еще один свитер, роликовый дезодорант и туалетную воду. Утром тщательно выбрился. После обеда погладил джинсы.

Борис Францевич приободрился. Его план вступал в действие.

– Дерзай, – наставнически похлопал он сына по плечу и вручил ключи от машины. – Но не переусердствуй. Работай корректно, осмотрительно.

Эрик пригласил Эльзу на море. Балтика в октябре привлекательна разве что чистым просоленным воздухом. Прогулки по набережной длятся недолго и заканчиваются, как правило, в курортных кафе. Балтийское море Эльза увидела впервые. В детстве она отдыхала с родителями в Анапе. О Черном море и кварцевых песках у нее остались приятные воспоминания. Балтика ее не впечатлила.

– Небось, и летом тут зябко, – предположила Эльза, кутаясь в мамин вязаный шарф.

С утра она пребывала на критической волне и так же, как сильный прибой, орошавший мельчайшими брызгами их лица, сокрушала любые доводы Эрика о дружелюбии и красотах балтийского побережья. В какой-то момент он даже убрал руку с ее покатога плеча, прекрасно ощутимого под курткой и теплым свитером.

«Ну и сидела бы в Караганде, – проворчал внутренний голос Эрика. Постепенно Эльза начала его раздражать. – Ей показали море, сейчас поведут в кафе, а она тут охает на каждом шагу. В Калининград ее тоже силой вытаскивали?»

Эрик подавил нагрывшую бурю эмоций, и когда волна отчаянной массой врезалась в волнорез, он, используя шанс приблизиться к девушке, закрыл Эльзу спиной от ледяной круговерти, осадившей его месивом тягучих водорослей, отполированными ветками и шлепками содрогнувшейся пены. Эрик схватил Эльзу за плечи и, склонившись над ней, прижался носом к ее растрепанным волосам. Штормовой удар пронял Эрика до мелкой дрожи. Он принял его стойко, но Эльза не оценила смелый поступок ухажера и отступила назад, пряча руки в карманах подмоченной куртки.

– Теперь куда? – спросила она как ни в чем не бывало, поправила капюшон и увернулась от нового всплеска стихии.

Эрик отвел ее в кафе.

Вечером Борис Францевич спросил сына:

– Ну, какие новости? – Он стоял в коридоре, только что выйдя из душа, и массировал густые волосы баннным полотенцем. – Видно, сказать тебе нечего.

Эрик бросил куртку на стул, сорвал с надушенной шеи влажный растянутый шарф и грохнулся на диван.

– Лучше бы я с ней не встречался.

Отец скептически хмыкнул:

– Хотел раскусить ее с первого раза? Вроде хрупкий орешек, надломленный, – он достал из бара бутылку красного вина, – да с прочной скорлупкой. Я это сразу заметил. Трудись целенаправленно, как удав. – Борис Францевич разлил вино по фужерам. – Она – девочка перспективная. Нам еще пригодится. Скоро из Германии приедет идеолог семьи, тогда посмотрим, в какую сторону обратятся взоры упрямых друзей.

Борис Францевич взболтнул вино в фужере, выпил и покачал головой:

– Все же проигрывают отечественные вина импортным. Вода, спирт и краситель. Никакого намека на выдержку. Зато этикетка позолоченная.

Эрик быстро покончил с вином, как будто ему рекомендовали залить печаль процеженным компотом. Спать он лег раньше обычного, но долго ворочался, слегка одурманенный кислым сухим. Натруженные ноги гудели, поблизости витал дух свирепого моря, ледяные волны лупили в спину, а в мыслях плескалась строптивая девочка.

Через неделю, к следующим выходным, Эрик воспрял духом и позвонил Эльзе. Повод для встречи с Гофманами у него был основательным. Борис Францевич подготовил друзьям гостинец: двух красивых копченых лещей и пакет с балтийским деликатесом – вяленой корюшкой.

Эрик передал Инессе Самуэльевне презент от отца и задержался у Гофманов на чай. На предложение прогуляться по историческим местам города Эльза ответила:

– Устраиваюсь на работу. Завтра могут позвонить из салона. – Она фактически отклонила приглашение Эрика. И спросила, поморщившись: – Это твоя рыба тухнет на кухне?

– Моя. Лещ и корюшка, – пояснил Эрик. – Отец сам ловил, сам коптил и вялил.

– Ну и воняет, – скривила недовольную физиономию Эльза. – С детства не ем рыбу. Она пахнет тинной и затхлой водой.

«Потому ты такая бледная», – чуть не вырвалось у Эрика.

Он набросил куртку, влез в ботинки и вновь, как и на море, обуздал в себе прилив трескучего гнева.

– Позвони в воскресенье после обеда, – неожиданно смилостивилась Эльза. Она замысловато улыбнулась и помахала с порога миниатюрной рукой удивленному студенту.

В воскресенье Эрик показал ей кафедральный собор. Они постояли у могилы Канта, осмотрели памятник герцогу Альбрехту, прошлись вдоль каштанов, на месте которых стоял корпус старого университета.

– Город с богатой историей, а посмотреть нечего, – пробурчала Эльза, принимая из рук Эрика бумажный стакан с глинтвейном. – Повсюду кирпич, черепичные крыши, дожди каждый день, и ветер буянит. Агрессивная среда существования. Как вы тут живете?

– Нормально живем. – Эрик ощутил гордость за родной город. – К нам едут со всей России: туристы и переселенцы. Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток... И ничего, не жалуются. Покупают квартиры, возвращаться не планируют.

Эльзу не обидел резкий выпад Эрика. Она находилась в подчеркнуто пасмурной, созвучной промозглой погоде душевной тональности. Вывести ее из себя подобными репликами было непросто.

После экскурсии по собору Эрик твердо решил покончить с корявыми ухаживаниями за флегматичной особой. «Жил без прыщавой пигалицы, – с досадой твердил он себе под нос, – и все шло своим чередом, без потрясений: учеба, ночные сеансы компьютерных игр, открытки, никаких вторжений родителей в кое-какие дела».

Но стоило Эрику представить, что он больше не увидит Эльзу, не коснется ее локтя, не нависнет над ароматными волосами, как что-то борцовской хваткой сдавливало ему виски, и он, не в силах вырваться из мрачных, прессующих дум, погружался на топкое дно персональной катастрофы. Эрику, как избалованному ребенку, становилось страшно терять то, что ему ниспослали для утешения собственных амбиций, – ожившую игрушку с хлопающими накладными ресницами и личиком в розовую крапинку; игрушку, без которой он вновь останется один на один с зудящими мыслями о бесцельности существования без близкого присутствия женщины.

Видя, что неудачное знакомство с девушкой отвернуло сына от родителей, Борис Францевич пожалел, что вхолостую запустил необдуманый проект. Но ведь идея была хорошей. И как знать, будь понаглее его сублинное чадо, он бы с шиком гульнул на свадьбе. За собственное счастье надо бороться, иногда – драться.

«Что тут скажешь, не от мира сего, застрявший в облаках подросток, – оперировал Борис Францевич расхожими выражениями. – Все, пусть теперь сам знакомится, учится, разгребает завалы на выбранном пути. Хватит, я удаляюсь».

4

Декабрьским морозным вечером, когда лужи сковал тонкий хрустящий лед и лунный свет выхватил из чернильно-фиолетовой дымки фасад кафедрального собора, Эльза возвращалась домой из салона. Четыре раза в неделю она пересекала остров Канта по пути на работу и в обратном направлении. Этот маршрут она выучила наизусть. Органная музыка, звучащая под сводами собора, эпитафии заслуженным горожанам на восстановленных стенах, отполированная брусчатка, по которой она передвигалась неуверенно (по-пингвиньи вразвалку), наскучили ей довольно быстро. Культурное наследие Кенигсберга рассыпалось в представлении Эльзы на частички обыденных уличных пейзажей. Этот город все еще был ей чужим, таил постылые сюрпризы и опасности. Она только начинала вживаться в его зимнюю приглушенно мерклую атмосферу, привыкала к дневной хляби и утреннему катку под ногами. Но больше всего Эльзу донимала вездесущая сырость. Переломный момент наступал на полпути между домом и работой. Эльзу пробирала мелкая дрожь. Не спасали ни утепленный пуховик, ни свитер из овечьей шерсти, присланный дядей из Ганновера.

Руки и ноги мерзли, глаза слезились, сопливился нос. Эльза любила тепло. Она нуждалась в нем с детства.

В салоне Эльза отогревала руки под горячей водой, выпивала стакан зеленого чая, съедала булочку и приступала к работе. Посетительницы «Янтарной леди» постепенно вошли в доверие к юному мастеру. Красивые ногти не теряли актуальность ни зимой, ни летом. У Эльзы появились постоянные клиенты. Дважды к ней наведывался миловидный мужчина средних лет. Он остался доволен откорректированными ногтями, наградил Эльзу щедрыми чаевыми и уехал по срочным делам с художавым другом, который прошел повторный сеанс депиляции сахарной пастой. В планах у Эльзы было взять в аренду рабочее место в салоне и попробовать трудиться на себя. В Караганде это у нее почти получилось. Деловую активность Эльзы прервал переезд в Калининград. Теперь ей снова предстояло заявить о себе и адаптироваться к недружелюбной среде, в которой не нашлось места Эрику.

Если бы мы были творцами своей судьбы, то вряд ли бы опасались вторжения непредвиденных обстоятельств в отлаженную схему повседневного существования. Эльза научилась по-цирковому балансировать, почуввав скольжение подошв по заиндевелому кенигсбергскому булыжнику, но боязнь растянуться под стенами собора на виду у любопытных туристов ее не покидала. По настоянию отца она не держала руки в карманах, когда шла домой через остров, но неизменно поднимала голову, выходя из парка скульптур, и смотрела на зеленый огонек, сочившийся тонкой струей из арочного окна соборной башни. Что-то влекло ее к той высокой ясной звезде. Возможно, постоянство символического искусственного света, а может, непрерывный сеанс таинственного свечения, поселившегося под готическими сводами древнего купола.

В детстве Эльзе почти не читали сказок, а уж о волшебном мире, созданном ее романтиком-однофамильцем, кутившим в винных погребах Кнайпхофа (неподалеку от ее нынешнего местоположения), она и вовсе не слышала. Но что-то вздрагивало в неустойчивом облике Эльзы, какая-то цепкая магия поглощала ее озябшее тело, и она устремляла взгляд к зеленому огоньку под башней собора.

В тот вечер дома Эльзу ждали мамины манты. Она всегда ела их с удовольствием, вспоминая спокойную, размеренную жизнь в Караганде. Жизнь, не бросившую вызова, в отличие от напора плотной атакующей готики, наблюдавшей за ней из-за высотных построек. В новом, неустроенном бытии до нее пару раз дотронулся дубовый верзил с лошадиным лицом. В его щенячем топтании возле ее ног не брезжило веских намерений, действия Эрика не отличались взрывным экспромтом и наступательной силой мужского характера. Он был ей умеренно неприятен, этот Эрик, а его отец подбешивал удивительной беспардонностью. Но именно об отверженном простаке вспомнила Эльза после нелепого происшествия.

Ее ботинок поехал по брусчатой глади у набережной, а она все еще глазела на огонек в башенной арке и с высоты детского роста пикировала на холодно блестящую под фонарями булыжную мостовую. Колдовской запах мант испарился в одночасье, будто его прогнал порыв ветра с темной реки.

Эльза завалилась набок и локтем ударилась о гранитный бордюр. Готовая к непредвиденным ситуациям, она не справилась с легкой задачей на корке льда, заметенного искрящимся снегом. Поначалу Эльзе почудилось, что кто-то ее толкнул. Но вокруг не было никого. Никто до нее не дотрагивался, никто не ставил подножек.

«Проклятое место. В прошлом – остров маньяков, бездомных и дешевых пивных, – пожаловалась кому-то Эль-

за, но спохватилась: – Сама виновата. Зачем таращилась на башню?»

Потом к ней подошли. Усадили на скамейку. Нога, объятая внутренним жаром, ныла от стопы до колена. Эльза глянула на ботинок: брючина, вылезшая из-под мехового ободка ботинка, вместе с ногой сместилась в сторону. При виде сломанной конечности по телу Эльзы пробежал пронзительный холод. Она попыталась встать. Тогда колючий кошмар усугубился резкой болью, словно кто-то ковырнул ей щиколотку столовым ножом.

Эльза беспомощно шлепнулась на скамейку. Слезы текли по ее щекам, подмороженные вечерней стужей, медленно ползли по губам и подбородку. Она потянулась к сумке, достала телефон. Матери Эльза звонить не рискнула. Та бы в первую очередь в критическом духе высказалась о ее бесполезных на льду, зато модных ботинках. Отца дома не было. Он гостил у брата в Ганновере, обсуждал ближайшие жизненные перспективы. К Новому году Карла Гофмана ждали в Калининграде. Вот кто бы первым пришел на помощь, без сомнений и воспитательных увертюр.

Эльза вытерла слезы бумажным платком и набрала номер Эрика. Трижды она порывалась удалить координаты забракованного ухажера, но почему-то не сделала этого.

Эрику понадобилось двадцать минут, чтобы доехать до острова. Выслушав Эльзу, он проникся жалостью к пострадавшей. Но вовсе не милосердие вновь потянуло его к попавшей в беду беззащитной девушке. Нечто большее разбудило в нем притихшее чувство.

На этот раз Эрик стесняться не стал. Он взял Эльзу на руки, подбросил, как пустотелую куклу, обхватил за плечо и понес к машине. По пути к отцовскому «Тигуану» он чуть было не растянулся на льду со стонущей драгоцен-

ностью, но ноги, вычертив на снегу замысловатый знак, не подвели его. Впервые Эрик был с Эльзой так близко. Грустные обстоятельства вверили ему недавний предмет вожделений, пусть ненадолго, до наступления ночи.

В машине они молчали. Эльза полулежала на переднем сиденье. Эрик вдыхал сладкие ароматы, источаемые травмированной спутницей. Нос ему щекотали не дорогие духи, как наивно считал неопытный водитель, а сгустки застойных запахов салона красоты, въевшихся в одежду Эльзы.

У травмпункта Эрик спросил:

– Ты домой позвонила?

– Нет, – ответила Эльза. – От врача выйдем – наберем. Отец в отъезде. Маму не стоит беспокоить, пока нет никакой конкретики.

Через полтора часа Эрик вынес Эльзу из травмпункта. Она отяжелела на пару килограммов гипса, наложенного на правую ногу от стопы до колена.

– Перелом лодыжки голеностопного сустава, – повторила она слова травматолога, когда Эрик помогал ей просовывать ушибленную руку в рукав пуховика. – Эта болванка на два месяца, а то и больше. – Эльза внимательно рассмотрела загипсованную ногу. – Ну и как теперь работать?

Эрик вновь подхватил хворое сокровище и с ценным грузом направился к кроссоверу. Под примятым пуховиком он отчетливо ощущал талию и ребра Эльзы. На улице ладонь Эрика прошла по ее мягкому месту.

Инесса Самуэльевна сама дозвонилась до дочери. Она налетела на Эльзу с упреками по поводу неявки на ужин и лишь после того, как узнала подробности о происшествии у собора, смягчилась. Сумбурный лепет Эрика рядом с дочерью ее несколько успокоил.

В дежурной аптеке Эрик купил Эльзе детские костыли.

– Ну и как на них ходить? – недоумевала она, подсунув под плечи гладкие деревяшки. – Работа накрылась на неопределенный срок. Арендное место, считай, ушло конкурентам.

Эрик аккуратно занес Эльзу в лифт и поставил на пол. Под загипсованную ногу подложил файл с деловыми бумагами отца.

– Ничего, потренируешься и пойдешь, – не особо успокоил он расстроенную знакомую. – А место в салоне мы тебе найдем.

Последняя фраза прозвучала так, будто Эрик был другом Эльзы и мог, не стесняясь, наравне с ее родителями участвовать в судьбе единственного ребенка.

«Похоже, болтнул лишнего», – сообразил осмелевший студент, но Эльза, уткнувшись в плечо Эрика, не придавала значения этим словам. Она устала, нога продолжала ныть, только теперь под гипсовым валенком поселилась другая, тянущая боль, методично распиравшая конечность.

Полночи Эрик не спал. Он тщетно силился возродить мятный запах дыхания Эльзы, рассекая воздух хваткими пальцами, поглаживал ее жесткие, худые плечи, находил бархатистые потаенные точки, следил за учащенным сердцебиением. Трудный день завершился, но нелогично было лишаться прильнувшей к нему засыпающей девочки только лишь потому, что ночь накрыла город, и он – настоящий друг семьи, разросшийся в глазах Инессы Самуэльевны до мужественного спасителя, – вернул домой заплаканное дитя.

5

Утром Эльза позвонила Эрику. Она попросила зайти в салон и передать Алисе каталоги производителей косметических средств и лаков для ногтей.

Эрик заинтересовался самочувствием Эльзы и выполнил поручение. Тут же Инесса Самуэлевна, не дав услужливому юнцу выдумать нелепый повод, чтобы вновь посетить Гофманов, поручила Эрику съездить за продуктами в полюбившийся супермаркет, а на обратном пути заскочить на почту и отправить бандероль родственникам в Казахстан. Оставлять Эльзу одну дома она пока не осмеливалась.

Эрик только этого и ждал. Отсутствие Карла Гофмана дало ему дополнительные козыри. Бескорыстный герой быстро смотался в «Викторию», подсуетился на почте и без очереди пролез со свертком к оператору, после чего вернулся домой с продуктами и букетом кремовых эквадорских роз. Никакого стеснения при этом он не испытывал. Инициатива была на его стороне.

– Доставка цветов пострадавшей! – объявил Эрик, смахнул с куртки крупницы мокрого снега и широко улыбнулся Инессе Самуэлевне, вытиравшей жирные руки о кухонное полотенце.

– Не заслужила она подарков, – прогундосила мать и заглянула в комнату, где Эльза без особых успехов осваивала костыли.

– Ну и что мне с тобой делать, сапог твердокаменный, глыба бетонная? – слышалось Эрику из детской.

Эльза добрела до кровати и швырнула деревяшки на пол. Появление Эрика с цветами ее слегка оживило.

Инесса Самуэлевна поставила букет в вазу и, задержавшись в дверях, опрометчиво бросила:

– Вот, полюбуйте, до чего она дошла!

– До чего, до чего? До кровати! – осадила дочь брюзжащую домохозяйку и положила больную ногу на табуретку.

Эрик сел напротив Эльзы в протертое старомодное кресло. Пока Инесса Самуэлевна собирала на стол мага-

зинные угощения, Эрик вновь окутал Эльзу напористым взглядом. Ее журнальные губы, увитые частыми трещинками, горели тайной страстью. По-восточному выпуклые глаза и выразительный припудренный лоб начинали ему нравиться. Не будь сейчас дома сварливой мамы, он бы обязательно примостился рядом с Эльзой. Во снах он владел ей безоговорочно.

Посещение опечаленной девушки закончилось чаепитием вприкуску с зефиром в шоколаде, купленным Эриком по просьбе Инессы Самуэлевны. Эльза, забившись в угол кровати, как скромная обиженная мышка, грызла козинак.

Так Эрик укоренился в семейном гнезде Гофманов. Борис Францевич потирал от удовольствия руки: дело пошло.

Когда из Германии вернулся отец Эльзы, помощь Эрика новоиспеченным калининградцам не ослабла. Карл Гофман не собирался отблагодарить великодушного друга семьи добрым словом и ни с чем выпроводить Эрика из дома под монотонные трели январских дождей. Наоборот, он поощрял визиты студента к грустящей дочери, расспрашивал о ходе сессии, передавал приветы Борису Францевичу.

Эрик ездил по аптекам, на почту, мотался по магазинам, в том числе строительным, искал любимый казахский шоколад Эльзы, немецкую вермишель, привозил маринованный имбирь, орехи. Вскоре Эрик подметил, что отношения дочери и родителей отнюдь не безоблачны. Эльза в присутствии Эрика не раз закатывала непотребные скандалы по пустякам, что поначалу наблюдательный помощник толковал подорванной психикой девушки. Однако по мере выздоровления Эльзы ее перебранки с домочадцами не прекращались, а как-то долгое выяснение отношений между дочерью и матерью на кухне закон-

чилося слезами Инессы Самуэлевны. Случалось, пушистый комочек, опершись на костыли, закатывал зычные истерики. Чаще родители не перечили плаксивому чаду. Драгоценный ребенок был избалован не на шутку. Отчасти этим объяснялось пренебрежительное отношение Эльзы к Эрику. Она привыкла свысока поглядывать на окружающих, разговаривала с малознакомыми людьми, подчеркнуто соблюдая дистанцию и как бы давая понять, что их общество ее не волнует. Когда же Эльзе называли из «Янтарной леди», она расцветала, насколько ей позволяло неокрепшее состояние духа. Увлеченная пустяковым разговором, она улыбалась и теребила волосы указательным пальцем, скручивая в волнистые колечки. Эрик пил из пиалы зеленый чай с молоком, жевал приторный лукум и слушал девичьи разговоры о лаках и красках для волос, дезодорантах и прочей чепухе, без которой салонные профи не представляли своей работы.

После Нового года Эрик узнал, что арендное место за Эльзой сохранится. К весне она надеялась расстаться с гипсом и вернуться к беспокойным клиентам. Некоторые из них звонили каждую неделю, желали скорейшего выздоровления и любопытствовали, когда незаменимая кудесница порадует старых знакомых искусным мастерством.

Эрик продолжал безропотно выполнять обязанности, в которые впрягся по собственной инициативе. Иногда ему мерещилась дурная развязка их шатких, клеенных бинтами и поездками к хирургу отношений. Эльза рвалась на работу, конфликты с родителями разгорались с новой силой, а Эрик оставался другом семьи. Цель его пребывания у Гофманов затуманилась, решительность в отношении Эльзы угасла. К тому же дома всегда торчала Инесса Самуэлевна. Она была хозяйкой со стажем, помешанной на повседневных приборках. Когда прихо-

дил Эрик, мать начинала елозить веником по стертому паркету в коридоре, после чего приступала к мытью полов. То же самое она проделывала в комнате Эльзы, но с меньшим усердием. Потом из кособокого серванта брала по два, по три фужера и под заузные песнопения обдавала хрусталь горячей водой в эмалированной раковине. В следующий приход Эрика мать намывала чашки, пиалы и блюдца; ложки, вилки и ножи тоже подвергались внеплановой обработке. Запыленные фарфоровые статуэтки, стоявшие на серванте, ее не интересовали.

– Ну и как тут не сбрендить? – спросила однажды Эльза, услышав звон бьющейся посуды на кухне. – И кроме того, – ткнула она пальцем в сторону коридора, – тотальный контроль.

Эрик воспользовался моментом – Инесса Самуэлевна сгребала веником осколки стекла на совок – и подошел к Эльзе. Он подложил ей под спину подушку, придвинул к кровати журнальный столик с заварочным чайником и взял за руку. После полутора месяцев ухаживания за буйной пациенткой Эрик вник во все нюансы ее домашнего существования, смирился с капризами и желаниями. Он знал, когда Эльзе нужно подать чай или какао, помнил, что плитки молочного шоколада ей хватало максимум на два дня, а сухие рогалики с черносливом она ела, чуть не давясь, неделю, лишь бы угодить матери. Эрик следил за поступлением в киоски женских журналов. Владелец палатки восточных сладостей информировал его, когда приходовал новую партию рахат-лукума, земляных орехов и пастилы.

Помня слова отца о напористом, но терпеливом отношении к объекту стремлений, Эрик, стиснув кулаки, дожидался своего часа.

В тот вечер он набрался храбрости и спросил:

– А дальше что?

Эльза, не отрываясь от подростковой игры в телефоне, сказала:

– Не спеши. Валенок скинем – узнаешь.

Заслышав приближающиеся шаги Инессы Самуэлевны, Эрик вскочил, а Эльза перешла на следующий уровень противоборства с морскими чудовищами.

Перед сном Борис Францевич выслушал доклад сына и похвалил джентльмена за упорство.

6

На работу Эльза вышла в конце марта. Эрик вызвался забирать ее вечерами из салона и отвозить домой, но в этот раз от помощи она отказалась. Сказала, что до дома ей двадцать минут по прямой, а ускоренным шагом – пятнадцать и что врач посоветовал разрабатывать отекающую ногу медленной ходьбой. В благодарность за помощь Эльза попросила Эрика позванивать и наведываться в гости.

В апреле они сходили в суши-бар, заглянули в пиццерию и посмотрели разрекламированный американский блокбастер. Ехать на море Эльза не захотела. Эрик тревожил ее по вечерам – днем она возилась с клиентами. Большинство звонков Эльза игнорировала, а если и отвечала, то никакого намека на развитие закивших отношений в ее голосе не сквозило. Похоже, проанонсированная интрига умерла в зародыше.

Перед майскими праздниками Эльза позвонила Эрику.

– Можешь найти квартиру? – щебетала она умоляющим голосом. – Точнее, я и сама в состоянии подыскать жилплощадь. Тут вопрос в другом. Я пока не осилю оплату. – Эльза драматично вздохнула. – Все, ухожу от родителей. Больше с ними жить не хочу.

Это было уже интересно. Если выполнить ее просьбу, то в съемной квартире, смекнул Эрик, рядом со свободной девушкой обязательно найдется место и спонсору.

Оттуда она не погонит. Возможно, эту идею Эльза и соби-
ралась ранее озвучить.

– Хорошо, я тебе помогу, – сморозил Эрик, не подумав. – Деньги есть.

По обыкновению, он поделился свежей новостью с отцом. Борис Францевич неоднозначно воспринял финт Эльзы.

– Это возрастное, пройдет, – заверил он растерянного сына, согласившегося взвалить на студенческие плечи финансовый груз.

Вместе с тем Борис Францевич по-отцовски понимал, что парень основательно прикипел к неплохой девчужке и его следует поддержать.

– Вот тебе деньги, – протянул он Эрику кипу перехваченных резинкой пятисотрублевых купюр. – Сними на три месяца квартиру. Достаточный срок, чтобы довести дело до победы.

После беседы с отцом обладателя необходимого капитала обуяла жажда действий. Эрик быстро нашел подходящий вариант. Чистая меблированная однушка в трех остановках от салона: стеклопакеты, балкон, второй этаж. После разговора с арендодателем Эрик позвонил Эльзе и, чуть не брызжа слюной, сообщил, что готов внести аванс за жилье.

Эльза не ожидала от Эрика такой прыти, однако желания немедленно покинуть опостылевших домочадцев не проявила. Скорее всего, противоборствующие стороны погасили конфликт, и вечерами за ужином в плохо освещенном зале воцарялась семейная идиллия. А может, она его разыгрывает, вновь испытывает на прочность и это начало еще одной забавы, развязки которой не видно на горизонте их затянувшихся мытарств.

С момента переезда Эльзы на съемную квартиру, если таковой состоится, в распоряжении Эрика будет не более трех месяцев для создания семьи. В противном слу-

чае он навсегда вычеркнет Эльзу из опрометчивых замыслов. Даже если непокорная барышня вновь поманит его пальчиком, клянчить деньги у отца на очередную затею с непредсказуемым финалом он не дерзнет.

Через две недели Эльза объявилась. Она окончательно разругалась с матерью и жила у Алисы, пока ее родители были в отпуске.

Визитку риэлтора Эрик вложил в учебник по криминологии. С детства он боролся с дурацкой привычкой хранить ненужные вещи, но в чистке жизненного пространства, сократившегося в его комнате до неразумных пределов, не преуспел. Звонок в агентство недвижимости Эрика разочаровал. Уютную квартиру заняли гости с Урала. Из предложенных вариантов поблизости с «Янтарной леди» была лишь пара достойных, но сдавалось более-менее просторное жилье совсем за другие деньги. Бюджета, выделенного Борисом Францевичем суетливому сыну, хватало только на два месяца безмятежного существования Эльзы вдали от дома.

Эрик взял день на раздумья и подписал договор аренды.

В новых житейских условиях скандальная беженка повела себя с Эриком вполне демократично. Эльза отвечала на все звонки благодетеля, по-доброму посмеивалась над ним, отпускала шпильки в адрес надоедливых клиентов. Дважды в неделю Эрик возил Эльзу на прогревание, съездил с ней к ортопеду. Вместе с Эльзой он подкидывал продукты в подтекающий холодильник, помнил про шоколад и орехи.

«Все, теперь не уйдет, – вдохновлял себя Эрик на боевые поступки. – Простым спасибо тут не отделаешься, а уж исчезнуть пусть и не пробует».

Теплым майским вечером Эрик нагрязнул к Эльзе с пиццей. Шел последний месяц ее вольной жизни. Обещанных слов он так и не дождался.

Эльза встретила Эрика приветливо. Была улыбчива и любезна. Выглядела отдохнувшей. Лицо ее очистилось, посветлела кожа. Она удачно оформила брови, навела порядок на голове. Ее полные губы под матовой бордовой помадой иногда пугали Эрика. Было в них что-то запретно сладкое, недоступное для его, по сути, еще мальчишеских представлений о женщине, а в самой Эльзе таилось нечто из арсенала разящих наповал клубничных секретов, раскушенных им в эротических журналах. Возможно, он все это придумал, вознес ее на небеса запредельного совершенства и теперь настраивался ниспровергнуть с адской высоты, поймав в широко расставленные сети, натянутые поперек арендованной квартиры.

Одно Эрик помнил точно: Эльза уже была у него в руках. Он прижимал к груди ее хрупкое тело, когда нес к машине жалкое, залитое слезами существо, а после из травмпункта вез домой и снова нес, сжимая Эльзу и щупая растопыренными проворными пальцами, и от лифта опять нес по длинному темному коридору до входной двери, парируя неуместные высказывания Инессы Самуэльевны о разгильдяйстве дочери в морозный вечер, а Эльза, постанывая, засыпала у него на плече.

Тогда она была совсем рядом, а сейчас расстояние до ее ослепительных губ Эрику предстояло преодолеть. Он готовился победить страх, отключить встревоженный разум и не думать, что посвежевшая девушка отфутболит его еще раз.

Весь дрожа, Эрик наконец дотронулся до губ Эльзы, ощутил их неожиданную твердость и влажный, липкий рельеф. Эльза отодвинулась от тяжело дышащего безумца, но Эрик притянул ее к себе, обхватив за острые лопатки, и вновь прикоснулся к губам. Потом он распробовал фруктовый химический привкус помады, убрал с груди детские кулачки, которыми Эльза пыта-

лась оттеснить его к спинке дивана, и вдруг навалился на отпрянувшую подругу. Эрик осыпал ее шею частыми скользящими поцелуями, бороздил приоткрытым ртом лоб и щеки, вскрывал маску тонального крема, из-под которого запестрили точечные покраснения после косметических процедур. Он дал волю правой руке, ползком добравшейся до ее голого живота; левой, ухватив за плечо, он притиснул Эльзу к дивану. Под расстегнутым ремнем его пальцы попали в засаду – Эльза придавила их к молнии горячей ладонью, но это Эрика не остановило, как, впрочем, не подействовал на него и возглас: «Осторожно, нога!»

Домой Эрик вернулся после полуночи. В спальне родителей щелкнул выключатель торшера. Эрик снял обувь, накинул на стул ветровку, расстегнул рубашку. Странные, непонятные чувства боролись в нем, пока он лежал в одежде на убранной кровати и потягивал из бутылки пшеничное пиво. То, на что он настраивался полгода, к чему шел через провалы, опустошенность и сомнения, свершилось за несколько минут. Эрик предстал перед девушкой немелым сопляком, ведомым в сбивчивой возне на скрипучем диване. Эльза направляла его и указывала, как надо сделать, чтобы все получилось. Но главное, он был у нее не первым. С этим скверным открытием придется смириться, если в обозримом будущем строить семью. Интересно, из чего сложится их быт, мучил себя Эрик насущным вопросом: из ночных постельных баталий и решения житейских проблем в светлое время суток? Наивно как-то.

– Вот тебе и Караганда, – бормотал он, постепенно сваливаясь в пучину глубокого сна. – А еще говорят, Калининград спит в одной постели.

После страстного вечера, проведенного под диктовку подруги, Эрик ожидал стремительного развития дальнейших событий. На пути к сердцу Эльзы он вышел на финишную прямую, вытерпел все испытания, снес мелкие занозистые издевки, не бросил больную в трудный момент и, что самое ценное, помог с поиском и оплатой квартиры. Порядочные женщины такого не забывают, убеждал себя Эрик и нацеливался на скорый сеанс возбуждающего общения. На этот раз он будет настойчивее, виртуознее, учтет ошибки патриархальной юности, придет с цветами и бутылкой дорогого вина из отцовского бара. Солидно оденется.

Но что-то не срабатывало в прогнозах Эрика. Время летело, близилась летняя сессия, а Эльза его избегала. Дважды Эрик напрасно прождал ее под дверью. В назначенный час Эльза не явилась. Дозвониться до пропавшей умелицы Эрик не смог. Эльза воскресила обычай вечерами не отвечать на звонки. В первый раз, покружив на лестничной клетке, Эрик засунул букет в узкий проем между дверным полотном и облупленной ручкой, во второй – подарил лилии пожилой соседке, что, впрочем, ничуть ее не обрадовало.

– Это девицам с восьмой предназначалось? – крикнула вдогонку Эрику наблюдательная женщина. – Не достойны шалавы такого подарка!

Но Эрик ее не слышал. Он бежал по ступеням, на каждом этаже награждая дверцы мусоропровода ударами каучуковой подошвы. «Выселю мерзавку к чертям собачьим, – кипел он и развязывал тугий узел стильного галстука. – Райские дни подходят к концу».

На улице Эрика охватил приступ дикого хохота. Он так и не понял, чего было больше в этом припадке: безудержного отчаяния или торжества власти, которую он

возымел над необузданной переселенкой. «Все, отправляю ее к родителям, – бесновался он, распираемый неохватной значимостью собственной личности. – Не захочет мотать на Павлова, пусть скидывается на аренду жилья с салонными дивами».

На следующий день после лекций Эрик глотнул коньяка и отправился в «Янтарную леди». Эльзы в салоне не было. В маленькой комнате, увешанной рекламными плакатами, плавали тучные облака косметических запахов, принятые им по дороге в травмпункт за тонкий фирмам Эльзиных духов. Два мастера, лихо орудуя пилками так, что над столами клубилась беловатая пыль, шлифовали ногти задумчивым клиенткам.

Эрик вышел на улицу, утопил горсть монет в кофейном аппарате и нажал на «вызов» в телефоне. Когда он вернулся в салон, знакомая мелодия убедила его в том, что Эльза где-то рядом.

– Вы по записи? – спросила румяная женщина с оранжевым сосульчатым взрывом на голове.

– По необходимости, – отрезал Эрик, смял в руке бумажный стаканчик и тормознул дозвон.

– Эльза, молодой человек к тебе, – посмотрела в зеркало фосфоресцирующая мастерица.

Эрик обернулся. На пороге стояла Эльза. Рядом с ней в сумочке копалась Алиса. Подруги переглянулись.

Эльза прошла мимо Эрика, словно это был не он, а залетевший на стрижку случайный прохожий.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал Эрик. Он засунул руки в карманы и гордо, по-петушиному выпятил грудь.

– Ну пошли, раз нужно, – сделала одолжение Эльза.

У витрины салона, заляпанной текстовыми аппликациями и женскими головами, Эрик изрек:

– На съемной квартире тебе осталось жить десять дней. Оплату я внес за два месяца.

Суровый вид Эрика сразу насторожил Эльзу. Таким взвинченным она его никогда не видела. Последняя фраза прозвучала как неизбежный приговор. Эльза привыкла к своей симпатичной квартирке с умеренным ремонтом и горячей водой, безотказно бившей из кранов. Но главное, ее не донимали родители. Она свыклась с комфортным существованием так же быстро, как с причудами балтийского города. В своем зашторенном королевстве Эльза хозяйничала больше месяца и впереди не узрела угрозы. Будущее на новом месте рисовалось ей светлыми весенними красками.

Она закурила.

– Я тогда не смогла тебя дождаться. Срочно вызвали на работу.

– Это к делу уже не относится. – Эрик был непреклонен. – Можешь оставаться на Багратиона. Тебя оттуда никто не вышвыривает. Вноси своевременно квартплату – и живи сколько хочешь. – Он бросил в урну стаканчик. – Найди напарницу, платите равными частями.

Эльза скривила личико:

– Это невозможно.

– Тогда могу помочь с переездом, – озвучил Эрик домашнюю заготовку. – Позвони за пару дней до выезда. Я попрошу у отца машину.

– Хорошо, я согласна, – покорно тряхнула головой Эльза и пристально взглянула на Эрика.

«Все-таки диковатые у нее глаза, – пришел Эрик к запоздалому выводу. – Холодные, как зимняя ночь».

Потом очнулся:

– Вот и отлично. Когда пакуем вещички?

– Ты меня не понял, – озадачила Эльза доброго друга. – Я согласна расписаться. Ты же об этом мечтал с момента нашей первой встречи. Отец привел тебя к нам свататься.

У Эрика закололо в висках. Он отступил назад и ощутил, как живот ему распер грузный ватный ком. Такое с ним бывало на экзаменах, когда упорхнувшая надежда на отличный балл вдруг возвращалась, издали махая крыльями.

– Только давай без пышной церемонии, без всяких там фанфар и свидетелей, – предложила Эльза. – Не хочу устраивать пир для родителей и родственников.

– Давай, – с трудом выдавил Эрик и обомлел от счастья.

8

Виктор Гофман все-таки приехал с женой на свадьбу племянницы. Навестил калининградцев и старший брат Бориса Францевича. Бауманы и Гофманы собрались отметить знаменательное событие в немецком ресторане.

Шампанское стреляло пушечными залпами, шнапс шел под сочные рульки, пенилось пиво, приезжие уплетали баварские колбаски с тушеной капустой и жареной картошкой. Молодоженам, как сейчас принято, вручили подарки в бумажных конвертах. Звучали пространные речи и напутствия. Раскрасневшийся от выпитого Виктор Гофман трижды брал слово. К концу последнего выступления он скатился к назидательным повторам, муссируя темы верности, супружеского долга и продолжения рода. В заключение Виктор пригласил супружескую пару в свадебное путешествие по Нижней Саксонии, обещав молодым достойный прием.

«Это уже по-нашему, по-деловому», – подчеркнул широту души дальнего родственника Борис Францевич и наполнил рюмку ледяным «Егермайстером».

Поначалу Эрик скромничал. Он переваривал свершившийся факт законного обладания Эльзой. Он упивался планетарной мыслью о том, что Эльза теперь будет с ним рядом: днем и ночью, всегда. Эрик напрочь забыл о злоключениях под дверью съемной квартиры, в которой им

предстояло жить. Его больше не смущала сыпь на лице Эльзы, вновь выступившая к свадьбе. Ее муляжные, в паутинках причудливых узоров губы были наконец завоеваны. На радостях Эрик не думал, что, собственно, это Эльза привела его в загс и осуществила мечту затравленного юнца.

К полуночи возгордившийся покоренным олимпом Эрик перебрал шнапса и пустился в азартные пляски на пару с Виктором Гофманом. Вскоре к ним присоединилась компания поддатых туристов из Мурманска.

– Bravo мне! – выкрикивал разгоряченный Эрик и дергался как ошпаренный, на все стороны отбивая развязные поклоны.

Этот лозунг эхом резонировал в его размаянном теле, и он подбегал к Эльзе, сидевшей за столом рядом с Алисой и краснощекой дамой из салона. Счастливчик тащил Эльзу на танцпол, где она награждала гостей каскадом пластичных телодвижений и спешила обратно к подругам, в домашнюю компанию, к вину, ликерам и фруктам. В паузах между танцами Эрик снова подлетал к девушкам, сжимал Эльзу и Алису за голые плечи, целовал жену в аккуратно уложенные волосы и устремлялся в центр зала. Там в надвигающемся забытьи он исполнял размашистые нелепые пируэты под разудалые выкрики Виктора Гофмана и мурманчан. Остановить Эрика было невозможно.

Борис Францевич дождался момента, когда сын дошел до опасной стадии умопомрачения. Во избежание надвигающейся потасовки с северянами семейную пару отвезли домой. Помогли обуздать задиристого танцора коллеги Бориса Францевича по обществу охотников и рыболовов.

Брачную ночь Эрик провел на диване в дурном, кошмарном сне. Периодически он склонялся над тазиком

и орошал пластмассовую емкость измельченными секретами немецкой кухни. Пиджак Эрик уделал ликером, брючину заляпал свечным воском. Швейцарские часы, подаренные супругу Виктором Гофманом, Эльза случайно нашла на резиновом коврикe микроавтобуса, взятого Борисом Францевичем напрокат у приятеля по автономии. Бумажник мужа она подобрала с половика за порогом квартиры, когда провожала охотников, выгрузивших невменяемого молодожена из лифта; ну а конверт с деньгами Эльза предусмотрительно убрала в сумочку еще в ресторане.

Эрик пробудился в двенадцатом часу дня. Последними кадрами, засевшими в его поврежденной памяти, были фрагменты первобытных шаманских плясок, далее шли размазанные, иероглифические титры, вобравшие в себя едва заметные росчерки приглашенных на свадьбу гостей. Потом его схватили, поволокли на улицу; он отбивался, сопел, дрыгал ногами – и все: пленка оборвалась, свет погас. Наступила непроглядная тьма.

Эрик провел ладонью по голове и с удовлетворением отметил, что она имеет округлую форму. Бетонная плита, слетевшая накануне со строп свадебной вакханалии, больше не давила ему на затылок. Под диваном стоял чистый таз, костюм висел на спинке стула. На кухне шипел чайник.

– Эльза! – позвал Эрик супругу. – Принеси холодной воды!

Свадебное путешествие Бауманы наметили на середину июля, после сессии Эрика. Эльза могла поехать в Ганновер в любой момент. В «Янтарной леди» она пропадала шесть дней в неделю, иногда заменяла заболевших подруг, бежала в салон, когда кто-то увольнялся и на вакантное место требовался мастер. Ко всему этому Эльза еще

работала на себя. Эрик встречал жену в восьмом часу вечера, бывало, и после девяти. Он готовил ужин. Обычно варил макароны и сосиски, жарил картофель, делал легкие овощные салаты. Вспомнил о полуфабрикатах, тушенке, рыбных консервах и магазинных пельменях. Эльза была всеядна. Она поглощала все, что предлагал муж. По утрам брала с собой шоколад, фисташки или лукум. Стоять у плиты она не любила. Иногда по выходным баловала мужа творожной запеканкой с изюмом.

В подобном сценарии семейной жизни Эрика устраивало все до тех пор, пока что-то не стряслось с его избранницей. Какой-то вирус вдруг поразил ее заушную головку. По ночам Эльза бунтовала и отгоняла Эрика, льнувшего к ней, как голодная дворняга к свирепому хозяину. С небес необъятного счастья Эрик спикировал в трясину мужских неудач. Когда же Эльза отдавалась ему целиком (в награду за ведение хозяйства), Эрик, привыкший к ее непредсказуемым кульбитам, утешал себя тем, что это он уже проходил: они еще притрутся друг к другу, и Эльза восплает ответной страстью. Все у них наладится, а свадебное путешествие упрочит семью.

В конце мая началась зачетная неделя. Эрик играючи перещелкал зачеты и настроился на сложную сессию. В Германию он хотел поехать с чистой совестью. Эльза как никогда подвисала на работе. В салоне пустовало место маникюриши, к тому же в аварию попала ее напарница, по совместительству косметолог и визажист. Эльза пыхтела за двоих, да еще тянула арендное место. Домой она приходила совсем поздно, в одиннадцатом часу. Шла в душ, быстро ужинала и валилась в постель, жалуясь на усталость и головную боль.

Сначала Эрик ей сочувствовал. Думал, надо потерпеть. Трудности отступят, Эльза снова войдет в привычный график, вспомнит про мужа и сама прильнет к нему ночью.

В разгар сессии Эрик заподозрил жену в чем-то неладном. Он всполошился. С таким объемом работы Эльза вряд ли бы справилась. Не такой уж выносливой и фанатичной она была, чтобы улаживать клиентов с утра до позднего вечера.

Встрепенувшийся муж окинул семейную жизнь другим, реальным взглядом. По сути, супруги сожительствовали в тесной хрущевке, как азиаты-строители, готовые разлететься по кишлакам и забыть друг друга после сдачи объекта.

«Может, в Караганде так принято строить семьи?» – задавался Эрик глупым вопросом. Он пытался понять, что объединяло их, кроме совместных ночевок на продавленном диване и общего бюджета, сформированного Эльзой после его выпясываний на свадьбе. Получалось, ничего.

Когда Эльза засыпала, Эрик осторожно пробирался под ее одеяло, гладил плечи и бедра жены; боясь быть пойманным, трогал слабую, плоскую грудь. Все это он проделывал в высшей степени осторожно. Добравшись до татуированного в пупырышках живота, он останавливал руку на грани проникновения в самое интересное место – Эльза начинала ворочаться, шептала сквозь сон: «Отстань – не сегодня». Или: «Уймись и спи». Эрик унимался и впечатывал голову в подушку. Спустя какое-то время он снова подкрадывался к жене, терся о ее ягодицы напряженным достоинством и отступал, услышав роковое: «Сказала же, сгинь по-хорошему!»

Глубокой ночью Эрик успокаивался: сон брал свое. Рядом похрапывал злобный недоступный зверек. «Неспроста ее Эльзой называли, – вертелось на губах у Эрика. – Женщина с таким именем не может быть душкой». Это он давно осознал, но лгал себе, что рядом с ним распустился нежный цветок.

Утром Эрик вскакивал в семь и первым плелся на кухню, потирая тяжелую голову. На скорую руку собирал завтрак. Эльза еще нежилась в постели, свесив до пола голую руку и обнажив плечо, когда Эрик уезжал на консультацию в университет.

Он очень быстро озлобился на нее. Ходил пришибленный ноющим домыслом, что, живя с ним, она ведет двойную игру, использует в неких тайных целях. Оставалось выяснить, в каких. Эрик перестал верить в ее байки относительно адской загруженности на работе. Вечерние часы Эльза явно где-то проводила. И уж точно не в салоне красоты, накручивал себя Эрик. Меньше всего ему хотелось начать слежку за скрытной женой. Он гнал прочь эту затею всякий раз, когда чувствовал во сне руку Эльзы на своем плече, но получив тычок под ребра за рассекреченную попытку приблизиться к ее телу, опять отворачивался и, готовый придушить подушкой вздорную соседку, засыпал.

После работы, в тихой домашней обстановке, Эльза вела себя вполне естественно. Интересовалась успехами мужа на факультете, просматривала коллекцию открыток, спрашивала о рыболовных достижениях Бориса Францевича. Порой Эрику мнилось, что ночами в Эльзу вселялось иное, гневное существо, но это была она – его жена, замкнувшаяся в косметическом мирке и бесившая равнодушием к мужскому вниманию. С каждым днем Эльза отдалялась от него все больше и больше.

Накануне начала расследовательской деятельности Эрик спросил:

– У нас с тобой все закончилось?

– Что-что? – машинально проронила Эльза и подцепила вилкой кругляшок салями.

– Я имею в виду отношения мужчины и женщины, – пояснил Эрик.

Эльза накрутила на вилку проводок спагетти.

– Тебя что-то не устраивает?

– Многое. У нас нет ничего: ни близости, ни планов, ни совместных интересов. – Эрик открыл банку пива. – Да и видимся мы два часа в день.

– Ты сам за мной увязался, – продолжала ужинать Эльза. – Выхаживал, терпел, дрожал. Жди и снова терпи. Я – твоя. Этого достаточно. Потянешь на себя одеяло, у нас ничего не получится.

– Пока что ты спишь в спальном мешке, – огрызнулся Эрик.

– Я – женщина. Мне можно. – Эльза встала из-за стола и коварно ухмыльнулась: – Научись согреть душу ангела и тело ягненка.

9

В «Кебаб Кинг» Эрик захаживал регулярно. Три раза в неделю после занятий он баловался фастфудом. В палатке, на остановке около университета, его встречали улыбкой. Сухроб умело готовил панини и шаверму в лаваше. Для постоянных клиентов действовала спеццена.

К Сухробу Эрик наведалься по делу. Он заказал гамбургер и американо с молоком. Проголодавшись, Эрик вцепился в булку и котлету (за едой лучше думается) и, похвалив горячий напиток, сказал:

– Нужна твоя помощь. Ты знаешь земляка с Багратиона?

– Щерзота? – спросил Сухроб и ловко извлек из-под кофейной струи бумажный стаканчик. – Конечно, знаю. Я сам полгода работал на той точке.

Пока Эрик смаковал бутерброд, Сухроб беседовал по громкой связи с Щерзотом. Тот был занят обслуживанием шумной стайки подростков, но товарища выслушал.

Через полчаса, спрятав «Тигуан» во дворе, Эрик пулей влетел в «Кебаб Кинг», расположенный в остановочном

комплексе напротив «Янтарной леди». Вход в салон прекрасно просматривался из кафе.

Эрик представился и украдкой глянул в окно. Сквозь зазывные рекламные нашлапки – наращивание ресниц, окрашивание бровей, перманентный макияж, депиляция и шугаринг, маникюр, педикюр – виднелся смутный силуэт женщины, усаженной в кресло. Над ее головой тускло блестели ножницы и суетилась расческа.

– Вот эта девушка работает в парикмахерской. – Эрик открыл на смартфоне фото смеющейся Эльзы и кивнул в сторону «Янтарной леди». – Можешь меня информировать, во сколько она заканчивает работу?

– Что, неверная? – мрачно улыбнулся Щерзот, который производил впечатление унылого человека, зажатого собственными проблемами.

– Не знаю пока, – смущенно ответил Эрик. – Доказательств нет никаких. Хочу разобраться, что происходит.

– Заглядывает ко мне твоя жена. – Щерзот налил Эрику чая, придвинул сахар, отрезал дольку лимона. – Берет маффины, слойки с курагой, колу. Заходит с подругой. Смотри, вдруг сейчас заявится, – лукаво предостерег Щерзот сыщика. – Сладкое любит твоя женщина.

Эрик снова исподлобья взглянул на заляпанную наклейками витрину. Ножницы все так же метались над мокрой приглаженной головой.

– Расстрою тебя немного. – Щерзот мастерил шаверму. – Вечерами подкатывает за ней машина. Кажется, «Поло». Синий. Номер не помню. Такси не такси – не знаю. Уезжает она вместе с подругой.

– Мне бы номер машинки, – сбивчиво попросил Эрик. – Запишешь?

– Скину, – кивнул Щерзот и вручил мужчине шаверму. – Я свою женщину полгода не видел. Деньги домой отправляю – ей и детям, – а как там они живут, понятия не имею.

Брат за бабой присматривает. За красивыми контроль нужен.

– Сколько я должен? – потянулся за бумажником Эрик.
Щерзот отмахнулся:

– Потом разберемся.

Он записал телефон Эрика и взял тридцать рублей за чай с лимоном.

Номер «Поло» Щерзот установил спустя три дня после знакомства с Эриком. На четком видео Эльза и Алиса сели в «фольксваген» в девятом часу вечера. Эльза открыла переднюю дверь, Алиса, поправив космы осветленных волос, юркнула на заднее сиденье. Вдогонку разоблачительным кадрам Щерзот отправил фото жены и детей – двух забавных мальчуганов, по всей видимости, близнецов лет пяти-шести. Под снимком он написал: «Моя семья. Люблю. Скучаю».

Кроме того, по информации, полученной из кафе, детектив-любитель узнал, что в ожидании «Поло» Эльза заходила в «Кебаб» за маффинами и чаем. Алиса была с ней.

Придя домой, Эрик вогнал себя в состояние животного бешенства. Он метался по квартире, представляя мерзкие сцены супружеской измены; в ванной перерыл корзину с грязной одеждой, но ничего подозрительного в скомканном белье Эльзы, благоухавшем табачным дымом и знакомым духом салона, не выявил. Эрик обшарил полки в серванте, распотрошил стопку гляцевых журналов, ожидая, что из бумажного тайника вылетят кое-какие улики; он запустил руки в карманы Эльзиных джинсов и кофт, проверил карманы пальто, проник за дырявую подкладку пуховика; наконец, перетряс ее чемодан и, не найдя компромата, осел в бессилии на пол. Он лежал на ковре, прикрыв лицо потными руками, и все вокруг казалось ему диким и враждебным: убогая квар-

тирка, узкие кроны тополей за окном, фрагмент еще светлого неба; и сам себе он казался немощным и жалким, по любви вступившим в неравную битву с подлой девицей.

Постепенно Эрик пришел в себя. Он убрался. Состряпал ужин. Может, все не так плохо, омыло его хилой надеждой, и он зря паникует. У женщин должны быть секреты, бабские дела, в конце концов. С женщиной Щерзот Эльзу не застукал. Только кто в таком случае сидел за рулем автомобиля?

Разгадка похождения Эльзы крылась в ее телефоне. С ним она не расставалась даже во сне, держала под подушкой.

В двенадцатом часу ночи Эльза явилась домой. Так поздно она не возвращалась еще никогда.

– Устала? – спросил Эрик, подивившись собственному спокойствию.

Он разогрел ужин в микроволновке, заварил фруктового чая.

– Не то слово, – крикнула Эльза из ванной. – Хочу есть и спать.

В кухне она предстала перед мужем в розовом атласном халате. Джинсы и кофту кинула в бельевую корзину.

– Сегодня было двенадцать клиентов. – Эльза села за омлет и сэндвич с беконом. – Но ничего, скоро все наладится. Берем еще одну маникюршу, и Настя, похоже, выздоравливает.

– Отличная новость, – подыграл жене Эрик. – Тебе давно пора отдохнуть, выспаться.

Эльза кивнула. Ела она всегда быстро, не вникая в тонкости изысканных блюд. Могла растянуть удовольствие только за мамиными мантами. За чаем сказала:

– В Ганновере расслаблюсь. Интересная будет поездка. А теперь – спать.

В комнате Эльза сбросила халат и достала из шкафа безрукавку от пижамы, подаренной на свадьбу Инессой Самуэлевной. Телефон запихнула под подушку.

Эрик приблизился к жене, стоявшей за высоким каучуковым фикусом. Он все еще искал улики. На сей раз на ее теле.

– Эй, сюда нельзя, – игриво хихикнула Эльза, выключила настольную лампу и прыгнула под одеяло. Судя по всему, она хорошо провела вечер вне дома.

Эрик закрылся на кухне. Еще раз просмотрел видео. Вымыл посуду. В стеклянный лоток положил курагу, фишашки, два кусочка лукума.

– Пусть подавится в своем вонючем салоне, – съязвил он и вернулся в комнату.

Эльза спала на животе, обхватив подушку руками. Вытащить телефон из-под головы сопящей супруги Эрик не отважился. К тому же мобильник был запаролен. Расследование захлебнулось на начальной стадии. Остался единственный вариант: устроить слежку за синим «Поло», госномер Р042ВУ. Со злости Эрик двинул кулаком по дивану и ногами сбросил на пол одеяло.

– Тихо, беспокойный, – одернула его Эльза.

Эрик замер.

– Вот так. Вот – хорошо! – процедила она сквозь сон и потянулась всем телом, словно испытала мимолетное наслаждение.

Когда Эльза угомонилась и зачмокала губами, Эрик склонился над ее головой. Он провел ладонью по девичьему плечу, отлично освещенному уличным светом; скользнул пальцем по татуировке и глазам своим не поверил: бирюзовую розу рассекали три диагональные царапины, слегка рыхлые и вспученные, совсем свежие. Эрик осмотрел всю руку Эльзы, исследовал бедро, потом приподнял горловину майки. Лимонный луч дворового фонаря

высветил на ее щеке два расплывчатых овальных покраснения, явно не аллергического характера.

Эрик вскочил. Дыхание его участилось. Он понятия не имел, куда податься, что делать, как жить дальше. Однако на этом жуткие открытия не закончились.

Телефон Эльзы издал краткий звуковой сигнал, ослабленный плотной массой пуховой подушки.

Эльза не шелохнулась.

Тогда Эрик внаглую вытащил гаджет из-под головы Эльзы и на цветастом экране прочел вывалившееся сообщение. Он проглотил его жадно, с космической скоростью: «Радость моя! Спасибо за чудный вечер. Жду в пятницу в восемь. Заехать не смогу. Меняем адрес. Портовая, 83-16». Экран погас, но через пару секунд пришла новая эсэмэска: «Без тебя схожу с ума. Сегодня только вторник».

Сообщение отправил некий Саша.

Если бы Эльза, проснувшись, сейчас двинула ему по лицу, он бы в ответ заехал ей по башке телефоном. Но Эльза спала, изредка почесывая царапины на плече острыми темно-красными ногтями.

10

Он все понял. Судьба сжалилась над подопытным и подсунула необходимые факты. Теперь Эрик мог действовать.

Но сначала он постарался заснуть, утопая в море стихийных галлюцинаций. Ему мерещились лобызания Эльзы и всплывшего из ниоткуда любвеобильного Саши. Какое-то отношение к ним имела патлатая Алиса, а может, и кто-то еще позарился на его благоверную.

Нет, надо поостыть, унять в груди жар, пытался вразумить себя Эрик. Впереди, кстати, последний экзамен. В таком состоянии идти на заклятие к Сычинскому рав-

носильно провалу. На подготовку осталось два дня, а тут еще эта история... Ну и как делить постель с этой сучкой? Он и так, как музейный экспонат, возлежит смиренно рядом с ее неприкосновенным телом. Нет, достаточно такого соседства. Переселенку надо проучить, и он знает как.

Утром, собираясь на консультацию, Эрик пронзал раздраженным взглядом все, что было связано с Эльзой. Он представлял, как с балкона летят ее журналы, на деревьях висит белье, в кустах валяются прокладки, плесневеет лукум. Он бы с большим удовольствием измазал сейчас дремлющую принцессу китайской помадой и обдал ее смятые волосы лаком сильной фиксации.

Ну ладно, пусть пока поблаженствует в чистой постели.

Как же она могла ему изменить? В самом начале совместной жизни, в период трепетных, нарастающих чувств?

И зачем он бросился за первой встречной девкой? Возможно, стоило подождать, набраться жизненного опыта, возмужать? Его сбила с толку идея отца женить сына на дочери университетского друга. По этой теории у студента-отличника, проработавшего четверть века инженером на шахте, должна быть идеальная наследница.

Но кем он увлекся, желая яркой, пламенной любви? Маникюршей из тошнотворной промзоны. Он побежал за ее надутыми губами, не глянув в мутную душу. В такие бездны Эрик, правда, заглядывать еще не умел.

В среду, после консультации, Бауман поехал на Портовую. В подъезд кирпичной пятиэтажки Эрик зашел вместе с разносчиком рекламных газет. На четвертом этаже слева от лестницы он увидел обшитую полинялым дерматином дверь с пластмассовыми цифрами 16. Магическое сплетение визуальных символов невольно прожгло Эри-

ка: шестнадцатого ноября он родился, шестнадцатого мая подал в загс заявление. За дверь № 16 трещал по швам его нестойкий семейный альянс.

Эрик нажал на расшатанную ручку. Дверь вздрогнула, но не открылась. При желании вынести ее можно было в два счета, а вскрыть – подручными инструментами, сложенными в багажнике «Тигуана». Последний способ взлома квартиры Эрика устраивал, но пока что он изучал враждебную обстановку на этаже и прилегающей лестничной клетке. Справа от злополучной двери, в заваленном сломанными стульями закутке, внимание Эрика привлекло серое, в грязевых пунктирах окно. Эрик открыл рассохшуюся раму и выглянул на улицу. Во дворе на детской площадке гоняли мяч два футболиста. Из микроавтобуса грузчики вытаскивали пианино. Под крышей дома напротив рабочие с автовышки меняли желоба. Но не это сейчас интересовало Эрика. Он высунулся из окна. Слева, в четырех метрах от него, массивной глыбой нависал неостекленный балкон шестнадцатой квартиры. Добраться до него по ненадежному фризу Эрик не решился. Не сможет он это сделать и в пятницу. Природа, увы, не наделила его способностями штурмовать отвесные стены. Проползти по узкому выступу, местами раскрошенному до ржавой арматуры, а после подтянуться и перемахнуть через решетку балкона у него не получится. Он должен остаться цел и предстать перед заигравшимися любовниками в полном здравии, он должен заставить врасплох воркующих квартирантов и отомстить. Возмездие неотвратимо.

Эрик вновь дернул дверную ручку, потом откинул ногой резиновый коврик, усеянный песчинками земли, и заглянул в замочную скважину. Взору его предстала вертикальная полоска стены, оклеенной оранжевыми в коричневый ромбик обоями.

Внезапно этажом выше хлопнула дверь, щелкнул замок, и кто-то побежал вниз, стуча по ступенькам тяжелыми каблуками. Эрик отпрянул от дверного полотна и затаился в темном углу лестничной клетки.

На улице он долго смотрел на обшарпанный балкон, словно гипнотизировал его, призывая хлипкую с виду конструкцию спуститься к его ногам. Впервые в жизни Эрик пожалел, что не владеет навыками альпиниста. Свеситься с крыши на веревках и запрыгнуть на балкон было для мастера-верхолаза легкой разминкой.

Эрик сел в машину и не спускал глаз с балкона. Рабочие, сбросившие в палисадник измятый пролет жестяного желоба, передвинулись к водосточной трубе.

Тут Эрика осенило. Он выскочил из кроссовера и побежал к автовышке.

– Брат, нужна твоя помощь! – подлетел он к водителю «Ниссана», задержавшего корзину на уровне третьего этажа.

Сверху с глухим раскатистым грохотом в кусты шлепнулся длинный фрагмент водостока.

– Щели на балконе надо заделать. Изнутри не дотягиваюсь, – на ходу сочинил Эрик. – У меня четвертый этаж. Живу по соседству.

– Две тысячи готовь, если за час справишься, – сухо ответил водитель и по требованию высотников придвинул корзину к стене дома. Он пожевал дымящийся окурок и спросил: – Когда тебе надо?

– В пятницу в восемь вечера, – отрезал Эрик. – Вон тот балкон. – Он махнул в сторону дома свиданий.

– В пятницу не могу, – плавно манипулировал корзиной водитель. – В пятницу – баня.

– Мне очень нужно, – взмолился Эрик. – Баня подождет. Оплачу по двойному тарифу!

– Тебя, видать, жена заела, – с издевкой молвил водитель. – Знаю таких умельцев. Устроят в доме погром,

потом за день хотят марафет навести. Ладно, вот номер напарника Михаила. Звони ему, договаривайся. Скажи: Пётр рекомендовал.

– Мужик, ты прав – заела, – пробормотал Эрик и записал телефон Михаила.

После обеда Эрик засел за уголовное право. Вечером навестил родителей. Был бодр и словоохотлив. Изображал маститого студента, готового к поединку с Сычинским. За ужином поделился радужными впечатлениями от семейной жизни. Посетовал на загруженность Эльзы в салоне.

– Учиться ей надо. Нашла чем заняться, – корректно возмутилась Валентина Павловна, – ногти пилить пошла.

– Ничего, выучим, – сказал Борис Францевич и выпил.

Когда родители разошлись по комнатам (Валентина Павловна погрузилась в просмотр детективного сериала, а Борис Францевич увлекся чтением военных мемуаров), Эрик прошмыгнул в кладовку. Он включил свет, отодвинул шторку, за которой на ротанговой этажерке отец хранил рыболовно-охотничьи принадлежности, и взял нож с хромированным переливчатым лезвием, заточенным на кабана. Борис Францевич любил острые ножи и стрелковое оружие. Эрик спрятал тесак во внутреннем кармане джинсовой куртки, осмотрел архаичный «Парабеллум», повертел в руках увесистый «Вальтер», приобретенный отцом у Гальперина, и подумал, что надежный пистолет с рельефным орлом на рукоятке ему бы тоже сгодился.

Утром Щерзот отправил Эрику новый фотоотчет. Подруги отметились в «Кебабе», заказали по гамбургеру с картофелем фри, выпили фанты. Обсуждали они какую-то даму, устроившую переполох в салоне после того, как ей неудачно покрасили волосы. Сначала Эльза сосредоточенно уминала бутерброд, очевидно переживая профессиональную осечку, потом повеселела. Алиса пыталась всячески растормошить подругу, рассказывала

подобные случаи из своей более богатой практики. В итоге вдогонку ворчливой клиентке досталось по всем статьям от пообедавших мастериц.

Под фотографиями, запечатлевшими подруг на перекуре у входа в салон, Щерзот написал: «Тысячу заплатить не жалко? Домой отправлю деньги вместе с зарплатой».

«Хорошо», – ответил Эрик.

В среду и четверг Эльза на работе не задерживалась. Перед пятничным провалом в омут страстей и брутальных фантазий (выражение Эрика) она избрала правильную стратегию: побыть рядом с мужем, дабы не навлечь на себя непотребных подозрений, которые, как она полагала, докатятся до Эрика еще не скоро. В понимании Эльзы наивный супруг был слеповат до умелого жонглирования мужским материалом, не замечал ее увлечений на стороне, а если и догадывался о чем-то, то был не в состоянии воспротивиться очевидным загулам жены.

На самом деле она ошибалась. Эрик мог бы уже сейчас звездануть Эльзе по шее. Сдерживало его только одно: отсутствие стопроцентных свидетельств измены. Видео садящихся в машину девиц, номер авто, непонятная причастность Алисы к вечерним странствиям Эльзы, их болтовня в «Кебабе», наконец, царапины на плече и пятна на шее в контексте откровений какого-то Саши – все это были крупницы собранного против нее материала, недостаточного для молниеносной расправы. Возможно, кому-то хватило бы и одной царапины на женском запястье, чтобы прижать жену к стенке, но Эрик жаждал большего. В цепочку последних событий он хотел добавить главное звено – факт измены.

В четверг, перед сном, глядя из коридора, как Эльза переодевается при выключенном свете, Эрик уже ее презирал, но еще пытался понять: куда делась его любовь

к карагандинской девочке? Ведь если любовь ушла, пусть даже по самым гнусным причинам, следующим шагом должно стать прощение. Так заведено в христианских писаниях. Так почему он не может ее простить? Не потому ли, что, сделав это, он распишется в собственном бессилии: начнет жить по пагубным правилам, согласно которым ей разрешается все, а ему остается терпеть (любимое словечко Эльзы) до тех пор, пока, утомленная на стороне, она не вернется домой к облапошенному мужу, в уют и покой. Нет, сказки о вселенском всепрощении не для него.

И терпеть он не будет.

Пятница началась с того, что Эрик завалил уголовное право. У Сычинского он набрал губительные пятьдесят шесть баллов.

– И без права на пересдачу, Бауман! – предупредил профессор понурого студента. Иногда Сычинский наказывал самоуверенных хорошистов госоценкой. – Вы, Бауман, и в семестре не отличались активностью, – выпалил с удовлетворением преподаватель и злобно моргнул большими совиными глазами. – Смотрю, и по другим дисциплинам ваша успеваемость пошла на спад.

Эрик промышал что-то невнятное в свою защиту, но преподаватель его не слушал. На подходе была следующая жертва – Гальперин, который, к слову, отстрелялся на «хорошо».

«Придется объясняться перед родителями, – озадачился Эрик новой проблемой. – Спалиться на последнем экзамене... Спасибо тебе, золотце!»

На мгновение Эльза выплыла из небытия, окутала «Тигуан» привычным салонным запахом, но Эрик задвинул ее обратно в квартиру № 16 по Портовой, 83. Теперь он отчетливо представлял ее только там, за слабой дерматиновой дверью.

После университета Эрик рванул в гараж. Среди комплектов спецодежды и рыболовных комбинезонов он отыскал рабочую куртку, в которой ездил с отцом на охоту. Набросив спецовку, Эрик почему-то вспомнил, как целился в утку, сидевшую на яйцах в камышах; вспомнил плотный, глухой хлопок ружейного выстрела. Тогда он промахнулся, сегодня – не промажет.

Эрик пригляделся к своему отражению в зеркале, когда-то висевшему дома в ванной комнате. На бесстрашного мужа, командированного женой на вышку воевать со швами, он явно не тянул. Зато походил на подавленного супруга, озабоченного неподобающим поведением спутницы жизни. Эрик надвинул на глаза бейсболку, осмотрел редкую мягкую щетину (брился он два раза в неделю), закрыл гараж и умчал на Портовую. Нож задвинул в кожаный тисненый футляр.

Синий «Поло» стоял во дворе, на парковке у детской площадки. Эрик остановился напротив подъезда. В ста метрах от дома, за рядом пирамидальных тополей и кустами сбросившего цвет жасмина заметить его «Тигуан» мог только поисковик, переполненный острой необходимостью отвадить мальчика от скользкого дела.

В восьмом часу Щерзот поделился с Эриком видео. Подруги покинули салон и укатили на такси. Эльза была в розовой в обтяжку полиэстеровой кофте и изумрудной расклешенной мини-юбке, купленной с недавней зарплаты. Алиса, как всегда растрепанная, в желтой пятнистой футболке и порванных на коленях джинсах, на сей раз села рядом с водителем.

Через двадцать минут приятельницы вышли на Портовой. Михаил приехал к семи. Заранее выставил фишки и стоп-лентой обтянул место для установки машины. За эту услугу вышкарь накинул еще тысячу.

Начало операции Эрик перенес на девять часов. Он прикинул, что развлекательные мероприятия продлятся

максимум полтора часа. Вернуться домой после одиннадцати Эльза вряд ли рискнет. Таким образом, участникам долгожданной встречи Эрик дал время излить взаимные чувства и раскрыться в стремительном экспромте.

Наконец он запрыгнул в корзину. Ящик с инструментами поставил на пол, забрызганный краской.

– Готов? – спросил Михаил.

Эрик подал знак:

– Поднимай!

Корзина вздрогнула.

Телескопическая стрела медленно двигала Эрика к балкону. Второй этаж, третий, спутниковая антенна на силикатной стене. Пять, десять секунд – и ты над землей. Куцые шторы на кухне, горшки алой герани, кошка на подоконнике в гостиной... Вот оно, движение ввысь, к намеченной цели! Сердце Эрика екнуло, он откинул крышку ящика, вытащил нож из футляра и спрятал во внутреннем кармане куртки.

– Не порежу, так, пугну, – буркнул Эрик и грузно выдохнул, настраиваясь на дерзкий поступок.

Корзина остановилась в непосредственной близости от балкона. Дно под Эриком качалось и неприятно пружинило. Он взялся за балконную ограду, сваренную из тонких прутков. Это придало ему уверенности.

В комнате за матовым стеклом, между банными полотенцами, вместо шторы висевшими на карнизе, Эрик увидел голую спину Эльзы. На ее плечах лежали загорелые руки незнакомой женщины. Крупные пальцы почесывали щуплые плечи Эльзы, бегали по ее острым лопаткам, ласкали поясницу. Внушительные формы почитательницы Эльзиной худобы просились наружу из-под шелкового халата, слегка прихваченного в талии поясом. На разобранной двуспальной кровати вполоборота к Эрику сидела Алиса. Она тоже была в легком халате. Одной рукой

у приоткрытого рта Алиса держала фужер с красным вином, другой – водила по депилированной стройной ноге, выставленной напоказ.

Вдруг пеньюар с фактурного тела незнакомки спланировал на пол, и ее рука нырнула под юбку Эльзы.

– Саша, – дошло до Эрика. – А вот и Саша, – пробубнил прозревший ревнивец.

Как же он не предусмотрел такого развития событий? Женские чувства – особое явление, а женская дружба крепче и мягче мужской. С ним до поры до времени Эльза была открытой и эмоциональной, а он предстал перед кроткой девушкой неотесанным чурбаном, долбящим ее эластичную плоть в погоне за собственными достижениями.

Незнакомка и Эльза не выпускали друг друга из жгучих объятий. Алиса одобрительно гудела и пила рубиновое вино.

Вот почему Эльза собирала женские журналы, озарило Эрика. Она искала совершенство в женской натуре, упивалась изяществом складных фигур, изгибами шей, статностью ног, густотой натуральных волос.

А вдруг он вторгся на их репетицию? Положим, они готовятся к фотосессии и запустят ее в соцсетях. Сейчас все стремятся к публичности, выворачивают наизнанку душу, напоказ выставляют тела, устраивают групповые перфомансы, флешмобы. У каждого есть шанс на пару минут успеха в онлайн, а при удачном стечении обстоятельств и минимуме одежды на теле можно рассчитывать и на длительное признание.

Короче, он попал в дурацкое положение. Этот случай не тот, чтобы рушить семью, а значит, пора уходить.

Тут снизу раздалось:

– Эй, Самоделкин! Работать будем? – Михаил словно прочел поспешные мысли клиента. – Скоро стемнеет!

– Опускай! – скомандовал Эрик.

Вышкарь распечатал новую пачку сигарет и закурил. Но прежде чем он взялся за рычаги, на балконе появилась Алиса.

– У нас гости! Элли, это вроде бы твой! – опознала она косорукого мастера.

В захмелевших глазах Алисы Эрик отобразился диковинным зверьком, помещенным в спецманеж для всеобщего обозрения.

Обернутые влажными полотенцами, Саша и Эльза бо-сиком выскочили на балкон.

Корзина отчалила от просевших перил.

– Ладно уж, лезь сюда, коль пришел. Покоя от тебя нет, везде достанешь, – рявкнула Эльза на мужа.

Саша, едва удерживая махровый аксессуар на гладком, лоснящемся теле, добавила:

– Мужчин мы, кажется, не приглашали. На кой черт они нам?

– Да ладно вам, – вступилась за Эрика Алиса. – Спорим, у него в ящике шампанское. – И, залпом покончив с вином, кинула в Эльзу упрек: – Смелчак мужик у тебя, и не фиг его костерить!

Эрик, польщенный приглашением Эльзы, вцепился правой рукой за гнутый пруток балконной ограды. Он вылез наполовину из корзины и перекинул ногу через металлический поручень. Подтянувшись, левой рукой Эрик схватился за перила балкона.

– Комик, тебе вверх или вниз? – отозвался с земли Михаил, удивленный опасными маневрами Эрика.

Но поднимать корзину было поздно. Опора ушла из-под ног Эрика. Он повис на руках, держась за прутки ограды. Постепенно Эрик сполз к балконной плите. Алиса и Эльза вскрикнули и схватили его за локти. Михаил попытался вернуть корзину на прежнее место, но не успел. Пальцы

Эрика разжались и съехали по мягкому оцинкованному отливу. Освободившись от опеки подруг, он полетел вниз. Плечом Эрик ударился о подоспевший борт – Михаил почти поймал пикирующего спеца. От удара Эрика развернуло, на уровне второго этажа он врезался грудью в густую крону вишни. Подруги ахнули: то ли от кромешного ужаса, затмившего их нежный междусобойчик, то ли от слабой надежды, что дерево спасет храбреца.

Эрика крутануло вокруг гибкого шершавого ствола, и он почувствовал, как что-то острое и горячее проткнуло ему грудь.

«Ножи должны быть всегда наточенными и чистыми», – вспомнил Эрик крылатую фразу отца.

Осыпанный листвой и мелкими ветками, Эрик рухнул в палисадник. Вслед за ним в полет пустилось полотенце Эльзы.

С балкона слышались истошные женские крики. Михаил бросился в кусты, причитая:

– Откуда ты взялся, уколотый в задницу?

Сбегались люди, кто-то вызвал скорую.

Эльза навестила Эрика на второй день после того, как его перевели из реанимации в палату. С собой она взяла фрукты, печенье и минеральную воду.

Эрик лежал под капельницей. Он смотрел в окно на шуршащую листву векового вяза, сквозь которую тусклыми синеватыми островками пробивалось вечернее небо.

– Я пришла по делу, – сказала Эльза уверенно, убедившись, что мужчина, стонавший в противоположном углу, ее не слышит. – Мы не подходим друг другу. Нам противопоказано быть вместе. Я от тебя ухожу. – Она открыла бутылку, глотнула теплой воды и решительно завершила: – Ты к тому же еще и опасный шизоид. Не нужна мне такая любовь – невыносимая.

Эрик был спокоен и бледен. Эльзы, казалось, не замечал. Больше живым она его не видела.

... Спустя три месяца после смерти сына Бориса Францевича нашли в сосновом бору неподалеку от Вислинского залива. Он сидел на земле, прижавшись спиной к ребристому стволу высокой сосны, и хрустальным прищуренным взглядом, будто кого-то выискивал на горизонте, буравил смиренную водную гладь. Рядом, в низкорослом малиннике, из-под россыпей высохшей хвои торчал «Вальтер Р38».

В следующем году Гофманы уехали в Германию.